

Где-то в подземельях капала вода. Тихий, монотонный, выматывающий звук. Кап-кап-кап... кап-кап-кап...

Спина затекла, рук я не чувствовала, шея онемела. Лоб и правую щеку обжигало каменным пробирающим до костей осенним холодом.

Кто я? Где я?

Слипшиеся от слез ресницы открылись с большим трудом, но я не видела ничего вокруг, меня окружала полная и абсолютная темнота.

Факелы. Подземелье. Мысли мелькнули вспугнутыми птичками. Я – Блау. Подземелье. Это... Я лихорадочно заскребла ногтями по полу, но соломы не было.

Не было, Великий! Пальцы ощущали только могильный холод плит, ровные бороздки на полу от линий рунного круга, но никакой соломы не было. Значит, я не в тюрьме. Хвала Великому!

Руки нащупали гранитное основание Алтаря, к которому я прислонилась боком, видимо когда сползла на пол, и я расплакалась от облегчения.

Я-не-в-тюрьме. И я – живая.

Горячие капли обжигали щеки, стекая на шею и дальше вниз, во впадинки над ключицами, щекоча кожу солью. Сколько я сижу здесь, раз так замерзла? Что здесь происходит, к псакам?

Лестница вниз и голос Нэнс. Хранилище. Свитки. Алтарь. Ритуал. Воспоминания возвращались рывками, последнее, что я помнила – это ослепительный свет источника, который звал меня за собой. А дальше – пустота.

Значит, все-таки проверка. Я сменила положение тела, развернувшись удобнее, чтобы расслабить мышцы. Руки покрывала заскорузлая корочка, ладони, подол халата, браслеты-наручи – все было неприятно жестким. Крови было много.

Значит, моя ставка была верной.

Я не любила азартные игры и не участвовала в таких обязательных развлечениях, потому что не была поцелована судьбой и госпожой удачей. Я проигрывала девять раз из десяти, но сейчас милость богов была на моей стороне.

Моя ставка была верной. Это была проверка Рода. Жертвоприношение, Алтарь, правильно расставленные загода силки, и любопытная птичка сама идет прямо в руки, чтобы узреть истину.

Я криво и мстительно усмехнулась одной стороной рта, надеюсь, они потратили на это столько энергии, что восполнят не скоро. Псаковы предки Рода. Псаковы экспериментаторы. Все во имя Рода, все во имя служения. Засуньте такие проверки знаете куда... внутри до сих отзывалось болью, гортань саднило от крика, я сомневаюсь, что смогу произнести хоть слово. Уж что-то, а голос я сорвала полностью.

Это первый и последний раз в этой жизни, когда я отдала свое. Первый и последний раз, цените. Теперь это мой второй шанс. Моя вторая жизнь. Я испоганила первую, но свой второй шанс я не отдам никому, сколько бы ни было проверок.

Сзади над моей головой вспыхнул тусклый свет, освещая подземелье не далее пары шагов вокруг. Прямо над алтарной плитой завис маленький энергетический шарик.

Я не смогла подняться на ноги ни с первого раза ни со второго, ноги не держали, поэтому я просто развернулась на четвереньках лицом к Алтарю.

– Род приветствует драгоценное дитя Блау..., – звук раздавался отовсюду, голос был ни мужским ни женским, казалось, он просто исходит из шарика света, отражается от полукруглых стен, сферического потолка и резонирует эхом, возвращаясь обратно.

Я рвано кивнула. Голова дернулась, как у марионетки на ниточках. Разговаривать с ними я не планировала.

– Жертва была принесена и жертва была принята. Путь открыт. Груз прошлого мешал служению. Прошлого больше нет. Во имя Блау...

Звук затихал с каждым произнесенным словом, и в конце был почти не различим. Точно потратили псакову прорву энергии, чтобы провернуть такое. Если сейчас даже на нормальную материализацию образа не хватает. Даже если учесть, сколько крови у меня вытянули, все остальное очень энергозатратно.

Странно, обычно предки как скупцы берегут каждую крупинку силы, щедро отбирая у приходящих, но ничего не давая взамен, а тут...

Энергетический шарик над Алтарем затих и продолжал тускло пульсировать, постепенно угасая. Мои факелы потухли, и я поползла к выходу, пока совсем не осталась без света. Встать получилось не сразу, меня шатало, подрагивали руки и ноги, но я выровнялась и маленькими шажками пошаркала к двери из алтарного зала.

– Три условия... три условия... три условия..., – прилетело шепотом мне в спину, когда шарик света окончательно потух и я осталось в абсолютной темноте.

Хоть четыре, хоть пять условий. Хоть десять.

Я на ощупь прошла в проем выхода, и начала искать справа, хоть одну треногу с факелами, чтобы добыть свет.

- Три условия..., - последнее эхо затихало в воздухе.

Найденный факел покатился в сторону, тренога ударилась о пол с глухим металлическим стуком, опрокинувшись, а меня накрыло волной образов-воспоминаний... три условия ... у меня есть желания, Старшая...

... свет был ласковым. Как ослепительно белое море, которое качает на волнах. Бесцельно, без направления и времени, без конца и края, только свет и спокойствие, и сила, которая наполняет каждую частицу энергии.

Я была и не была. Я пребывала и отсутствовала. Я существовала, и одновременно нет.

В этом ничто кружились образы, фигуры и лица, сплошным водоворотом. Вот седой мужчина, так сильно похожий чертами лица на дядю, вот светлая женщина с такими нехарактерными для Блау длинными волосами с легкой рыжинкой, вот вереница детей в нарядных халатиках, вот ...

Лица вращались каруселью, казалось, каждый оставляет частицу своей энергии-сущности, приближаясь к тому, кем была я, чем была я, частью абсолютного света.

Достойна. Достойна. Достойна хранить Род. Голоса рефреном звучали со всех сторон.

Отпустить прошлое. Отпустить ненависть. Отдай. Отдай. Отдай. Скандировало эхо.

Верни. Верни. Верни. Прошлое - прошлому. Мешает служению. Мешает служению. Мешает служению.

Среди этой вереницы лиц появился смутно знакомый образ девочки, почти девушки, на пороге цветения. Это лицо было чем-то знакомым, оно волновало, тянуло куда-то, тревожило.

Девочка-девушка была совсем юной. В голубом нарядном платье-халате. Темные глаза, с характерным северным разрезом, чуть приподнятые к вискам, темные волосы, забранные вверх в сложную прическу, сияющая ласковая улыбка, с едва заметными ямочками на щеках. В маленьких аккуратных ушках покачивались длинные нефритовые серьги. Девочка протягивала ко мне руки, но не приближалась, ждала, продолжая звать меня улыбкой.

Девочка в голубом мне нравилась. Она была знакомой и какой-то родной, безопасной и близкой. Я хотела ответить ей, но голоса не было, я хотела протянуть руки, но не было рук, я хотела приблизиться, но не смогла сдвинуться с места.

Море чужих образов вокруг нас заволновалось.

Улыбка девочки манила, обещая успокоение, и я попыталась ещё раз. Свет вокруг вспыхнул, темные глаза мелькнули совсем близко, нефритовые серьги качнулись, и... мы слились в единое целое.

Я и она. Странная счастливая девочка-девушка. Я и юная дева. Я и юная Вайю.

Передо мной проносилось пространство и время, разные миры, разные временные потоки, ломанные и прямые линии жизней. Мы есть одно, мы все части одного целого, разбросанные осколками по разным мирам. Я испытывала счастье от обретения внутренней целостности, я есть свет, я есть Вайю Блау.

Светимость вокруг увеличилась, и я обрела память. Воспоминания о прошлой жизни закружились образами. Я на коленях перед Квинтом, вымаливаю прощение, дождливая Столица и Аксель покачивается в петле, родовой перстень Блау на кости высохшего в подземельях скелета, гром и молния на равнине у Рифейского, где нас теснит орда умертвий, а над головами сияет багровым светом Око прорыва...

Отдай, отдай, отдай. Лился серебристый свет.

Отпусти. Отпусти. Отпусти. Стонала цитра.

Не отдам, мое. Я крепко держалась за свою память. Мое. Моя ненависть. Моя боль. Моя карма. Боль и гнев – источник моей силы. Мое право. Моя месть.

Отдай, отдай, отдай... чтобы жить... чтобы жить... чтобы жить...

Воспоминания закружились каскадом, перемешиваясь. Первая диковатая улыбка Нике, мой уставший райхарец, пирог Нэнс, который она спекла для меня под руководством Маги, серьезный Ликас, дядя в черном кафтане, пузатый смешливый Луций, молчаливый Данд... образы смешивались и я уже не могла отделить, где мое и чужое.

Мы обе любили дядю. Младшая боялась и уважала, но любила. А я любила просто потому что вернула утраченное. Любовь к дяде вспыхнула факелом и затопила все внутри. Любви стало в несколько раз больше.

Мы обе любили Аксея, Нэнс и Фей-Фей. Я любила Данда, а Младшей Вайю нравился его образ в моих воспоминаниях – большой, сильный, молчаливый и лохматый, гораздо более близкий и понятный, чем Акс.

Мы обе любили пироги с зимником, Маги, Пинки и читать, задрав ноги на тахту. Солнечные дни, запах прелых листьев и вересковые пустоши за поместьем.

Мы обе хотели, чтобы Род процветал, а сила Блау приумножалась. Мы обе... у нас было так много общего, почти все можно было разделить на двоих и становилось больше и больше, здесь просто не оставалось места для ярости и боли, для моей ненависти, за которую я так держалась. Младшая не испытывала ненависти, она просто ещё не научилась ненавидеть. Она не испытывала испепеляющего сжимающего горла страха, и горечи, которая кровью оседает на языке.

Дети ещё не умеют ненавидеть.

В ее мире дом был там, где дядя и брат, подруги и нарядные платья. Большой и безопасный. В ее мире принцы должны быть светловолосыми, как Квинт, а лошади белыми, как та райхарка, которую обещал привезти от Хэсау дядя.

Бесполезно. Тупо. Глупо. Мысли колыхнулись внутри, но их смыло волной света и умиротворения. Жизнь не состоит из ненависти и мести. В ее мире было место только для любви.

Мы проживали наши жизни вместе.

Я делала первые шаги по гостиной, держась за руку Ликаса, косолапо шагая в заботливо протянутые навстречу ласковые мамины руки. Она лечила, диагностировала, зашивала и сращивала, проводя мгновения в моем полевом госпитале. Я разучивала тайком танец, спрятавшись в закрытой бальной зале, ловя свое отражение в новом платье, а она изучала углы и плиты пола шестой камеры.

Воспоминания бежали все быстрее и быстрее. Ночь. Шахты. Последние остатки смелости, чтобы доказать себе и им... Смерть. Переход. Зов.

И Младшая спрятась, притаилась, испугавшись, выбирая время помочь, глядя на мир уже моими глазами. И этот мир ей не нравился. Ей не нравились тренировки и каллиграфия, ее испугал Вызванный и лабиринт у Фейу, но ей нравились Кантор и Таджо, Квинт и Марий...

Воспоминания заканчивались, время подходило к концу, юная Вайю таяла, растворяясь во мне, щедро делясь последними образами...

Жить за меня, жить за нее, жить за двоих. Не место для ненависти. Не тратить драгоценный дар так глупо, спасти, обрести, хранить, беречь, защищать... Образы дяди и Акселя растаяли в светлой дымке.

Юная Вайю не прощалась, потому что она оставалась со мной... навсегда, она просила ...Квинт на коленях перед нами, умоляющий о прощении... семь танцевальных комплектов в шкафу, она хочет продолжать танцевать... и белый райхарец... у принцессы рода Блау непременно должна быть белая лошадь...

Три условия. Три условия. Три условия. Прошелестело осенним ветром.

И мы вспыхнули вместе, сливаясь в единое целое, становясь беспредельным белым светом, становясь бесконечностью, становясь вечностью и силой... становясь истинной дочерью рода Блау.

Храни, храни, храни...

\*\*\*

В себя я пришла от резкой пощечины, голова мотнулась в сторону и я прикусила язык до крови. На стенах плясали сполохи живого огня. Меня придерживали за плечи крепкие и такие родные руки. Дядя.

- Вайю, - он выдохнул рвано, с облегчением прикрыв глаза. Что он тут делает, они же недавно отбыли к Хэсау.

Дядя выглядел страшно. Оторванная пуговица у камзола, местами черная рубашка, которой положено быть свежей, темные тени под глазами и впалые щеки. Кожа на лице так обтянула кости, что дядю можно было принять за несвежее умертвие.

Что случилось? Война? Прорыв грани? Нападение на поместье? Мятежники выступили раньше?

Я открыла рот спросить, но не смогла произнести ни звука, сорванное горло болело. Я открывала и закрывала рот, дядя начал хмуриться, сурово сдвинув брови, в глазах вспыхнули темные молнии.

Оу, кажется приближается гроза.

Я подумала, вцепилась в дядины руки, прижавшись к надежному плечу, и заревела, чувствуя, как облегчение накатывает изнутри.

Я жива. Я прошла проверку Рода. И я ... я больше не чужая для этого мира.

Слезы катились и катились крупным горохом, я шмыгала и с удовольствием возила мокрым носом по тонкому сукну. В случае с дядей слезы никогда не бывали лишними. Я поплачу, он успокоится, и глядишь гроза пройдет стороной, минуя...

Но в этот раз я ошиблась. Гроза не миновала...

<http://tl.rulate.ru/book/23579/508070>